

Лидия Смирнова: Моя жизнь — территория любви

Беседу вела Татьяна КОСТЫГОВА

Встретиться с Лидией Николаевной Смирновой чрезвычайно трудно. Не потому, что она этого не хотела — напротив: любезна, доброжелательна, готова сотрудничать, но...

— Понимаете, сегодня у меня съёмка на телевидении, завтра выступление перед ветеранами, концерт... Потом... — смотрит в записную книжку, — показ мод... церемония вручения “Ники”. Уезжаю с концертами в Самару.

И так изо дня в день, из недели в неделю — практически без перерывов и выходных. В конце концов, узнав, что Лидия Николаевна в качестве члена жюри едет в одну из московских школ, где проводился театрализованный конкурс на знание правил этикета и умение вести себя в обществе, вопреки всем этим правилам я напросилась сопровождать её. Вроде бы в качестве ассистента. Так мы провели вместе целый день, любовались ребятами, разряженными в костюмы разных эпох. Старательно, не выходя из образа литературных героев, они знакомились друг с другом, ухаживали, объяснялись в любви. Татьяны Ларины, Джульетты, Болконские, Хлестаковы были так симпатичны и непосредственны, что хотелось всем сразу, без исключения, присудить первое место и главный приз. Лидия Николаевна очень сокрушалась, что нельзя так поступить и надо выискивать какие-то недостатки и недочёты.

А потом мы долго разговаривали, сидя на скамеечке под сиренью, возле знаменитого, когда-то престижного, а ныне стремительно ветшающего высотного дома на Котельнической набережной, где Лидия Николаевна живёт уже почти полвека.

— Знаете, это мой первый и единственный настоящий дом. До этого были чужие углы, гостиничные номера, комнатухи в коммуналке, где помещался только стол да узенький диван — муж спал на раскладушке, наполовину под столом. Я по натуре очень домовитый человек, люблю заниматься домашними делами, наводить порядок, готовить. Сейчас живу одна и всё равно каждый день — полный обед. Варю суп, леплю пельмени, пироги пеку, а вдруг кто-то зайдёт, будет, что поставить на стол. Кстати, сегодня у меня отличный борщ, хотите попробовать?

Я знала, сколько лет Лидии Николаевне, — недавно отмечали её 85-летие. Знала, что эта замечательная актриса завоевала всенародное признание ещё до войны, когда на экраны вышел фильм “Моя любовь”, на который по десять раз подряд бегали наши молоденькие бабушки. На долю Смирновой выпало удивительное творческое долголетие. Сразу засияв яркой звёздочкой, она практически никогда не сходила с экрана, только взрослела, менялась, как менялись мы, зрители, и вся наша жизнь.

Но когда я увидела её не на экране, а в жизни — тщательно причёсанную, со сдержанной тонкой косметикой, в элегантном брючном костюме и на каблуках — глазам своим не поверила.

Лидия Николаевна, конечно, всё поняла по моему восхищённому взгляду, засмеялась:

— Поработала над собой. Вы считаете, удачно? Я ведь — актриса и не должна никогда забывать об этом. Когда я выхожу из дома, я словно выхожу на сцену и должна соответственно выглядеть. Даже если иду в булочную или в поликлинику. Есть у меня такая слабость: привыкла, что на меня обращают внимание, и хочу нравиться. Если я не нравлюсь, у меня портится настроение, я недовольна собой и человеком, которому не нравлюсь. Меня всегда называли кокеткой, и я не возражала. Кокетка так кокетка! Другое дело, надо понимать, что в 80 с лишком лет кокетничают иначе, чем в 18. Вот я и кокетничаю возрастом. Когда говорю, сколько мне лет, и жду в ответ: “Не может быть”, — это тоже кокетство. Но если настанет, не дай Бог, момент, когда я скажу, что мне 90 и никто не ахнет и не удивится, — надеюсь, я пойму, этот приём больше не работает и придётся придумать

вать что-то другое.

Недавно я выступала перед ветеранами, сидели в зале старушки, тихие такие, седые, в платочках. И вот одна говорит: “Лидия Николаевна, вы гораздо старше меня, а выглядите куда лучше. Я старуха, а вы женщина без возраста. Как вам это удаётся?” Я говорю: “Хотите и вы так выглядеть? Придётся потрудиться. Снимите свой платок и эту ужасную вытянутую кофту. Покрасьте и уложите волосы. Выпрямите спину. А главное, поверьте, что жизнь продолжается и что она прекрасна. Что бы там ни выпало на нашу долю”.

— И всё же, наверное, есть у вас какие-то свои женские секреты, позволяющие держать форму, быть бодрой и подтянутой?

Секреты у меня очень простые. Никогда не курила, не пила, рано ложилась спать, старалась поменьше и получше есть. Пластических операций не делала, может быть, зря, но очень боюсь ножа хирурга. Зато следила за своим лицом, старалась как можно чаще делать массаж. Если появлялись деньги, сразу прикидывала, куда можно поехать попутешествовать и сколько массажей сделать. Всю жизнь начинала день с серьёзной зарядки. Сейчас тоже её делаю, правда, не час, как раньше, а 15 минут, но занимаюсь напряжённо, с массажной палкой. Любила кататься на лыжах, плавать. Ещё каких-то пять-семь лет назад выступаю перед студентами, и чувствую: не слушают, скучно им смотреть на эту допотопную даму. На мне платье чёрное, длинное, зауженное книзу. И я рискнула: сделала кульбит, перевернулась в воздухе, ловко приземлилась. Зал замер. А потом такое началось! Теперь уж, конечно, я на такие подвиги не способна. Но спину держу.

Я ведь совсем не так бодр и энергична, как может показаться на первый взгляд. Бывают очень тяжёлые минуты, когда на душе камень и чувствую себя плохо — по возрасту. Встаёшь утром — всё болит, ничего не радует, хочется завернуться в тёплый халат и закрыться с головой. Но нельзя! Зарядка, холодный душ. Заодно мою туалет и ванну — обязательно каждый день, это уже ритуал. Потом за кофе окончательно прихожу в себя. Взгляд в зеркало. Конечно, то, что я там вижу, не так радует, как бывало раньше (наверное, раньше зеркала были лучше!) — но всё же, если подкрасишься, причешешься, платье выберешь понаряднее, шляпку — сойдёт! Выпрями спину, улыбку на лицо — и вперёд!

Я долго отодвигала старость, не хотела сдаваться годам. Но против природы не пойдёшь. Не знаю, когда первый раз почувствовала, что жизнь кончается и пора подводить итоги. Кажется, произошло это совсем недавно, когда ушёл из жизни любимый человек и я осталась одна. Ведь старость — это не морщины. Это одиночество и отсутствие любви. У меня есть родные, друзья (их, правда, с каждым годом всё меньше). Но у всех своя жизнь. А я — одна. И не заметила, как стала себя жалеть, ощущать некую душевную неустроенность. Особенно тяжело, когда возвращаешься домой после удачного концерта или гастролей, возбуждённая, с охапкой цветов. Открываешь дверь — тишина и пустота. Чувствуешь себя слабой, незащищённой. А этого допускать нельзя.

Единственное спасение — занятость, постоянное движение. Если остановлюсь — умру. А умирать не хочется. Я знаю одиноких, которые сидят дома, махнув на всё рукой. Конечно, дома удобнее, вот так, в халате, в мягких тапочках. Но это засасывает, а останавливаться нельзя. Я не сдаюсь. Включаю радио, телевизор, начинаю что-то делать на кухне, убирать квартиру. Ко мне всегда приходит много людей.

Телефон звонит, не умолкая, — всем от меня что-то надо. Зовут выступить, просят интервью. Я сержусь, но ведь куда хуже, если телефон молчит.

А ещё я написала книгу, где постаралась рассказать о своей жизни и тем самым заново осмыслить её.

Книга Смирновой “Моя любовь” действительно замечательная. Редкая, почти пугающая откровенность, обнажённость чувств. Удивительная смесь почти исповедальной искренности и тонкого юмора, лёгкой, необидной насмешки, направленной прежде всего на себя. У неё была бурная, богатая событиями и встречами жизнь, главными в которой были творчество и любовь. Она любила, изменяла, страдала, заставляла страдать — и обо всех, с кем пересекалась её жизнь, рассказала открыто и прямо, называя имена, вспоминая

факты, о которых многие хотели бы забыть. Кого-то шокировала такая откровенность. Кого-то привела в восторг. Но как бы то ни было, книга живёт, её читают, о ней спорят. Значит, жизнь продолжается.

Лидия Николаевна не раз повторяла, что не умеет, не может жить без любви. Её первая любовь, первый муж журналист Сергей Добрушин, поделивший с ней юную яркую славу её первого фильма, погиб на фронте в самом начале войны. Потом были встречи со многими известными людьми, бурные романы, о которых говорила вся Москва. К тому же — всенародная известность. Улицы заклеены афишами с её портретом, в киосках продаются фотографии. Она была невероятно хороша собой, пройти мимо было просто невозможно. И не проходили.

В эвакуации, на съёмках, она познакомилась с известным кинооператором Владимиром Рапопортом (он снял знаменитые фильмы Герасимова, в том числе “Молодую гвардию”, “Тихий Дон”) и в конце войны вышла за него замуж. Как говорит Лидия Николаевна, Рапопорт — лучший, самый светлый человек из тех, с кем столкнула её жизнь. Он делился с ней последним куском, когда все голодали. Буквально вырвал её из лап смерти, выходил, вынырнул после брюшного тифа. Потом, через десятки лет, она отдала долг, семь месяцев не выходя из больницы, где он умирал. Но до этого была целая жизнь и в ней другие мужчины, другие увлечения и привязанности. Он знал это и прощал.

— Он так любил и берёг меня всегда, — рассказывает Лидия Николаевна, — что, когда уходил из жизни, страдал от сознания того, что мне будет трудно без него. Знал потому, что был для меня папой, мамой, бабушкой, дедушкой, ребёнком — всем на свете. Он был талантлив и умел любить так, как редко кто может. Да, я его мучила, доставляла много хлопот, беспокойства, поводов для ревности. Но, наверное, он выбирал, что ему нужнее, — быть со мной и терпеть какие-то огорчения или потерять меня.

Когда он заболел и ему поставили самый страшный диагноз, врачи дали ему год жизни. Он прожил ещё 13. Думаю, потому, что я была рядом и помогала жить. Без меня он погиб бы сразу. И потому, несмотря ни на что, я не чувствую вины перед ним. Он сам выбрал свою судьбу.

“Несмотря ни на что”, — говорит Лидия Николаевна. Это значит — несмотря на то, что именно в эти годы, когда она должна, обязана была быть рядом с больным мужем, пришла к ней самая большая, зрелая, глубокая любовь. Любовь её жизни.

Константин Наумович Воинов, замечательный актёр и режиссёр, стал тем человеком, который помог актрисе Лидии Смирновой раскрыть свои творческие возможности, взять новую профессиональную высоту. Она постоянно снималась, даже в период малюкартинья. Но фильмов этих сейчас никто и не помнит, назвать их творческими удачами трудно.

— Кажется, Светлов сказал, — говорит Лидия Николаевна, — что лучше написать одно хорошее стихотворение, чем одно хорошее и два плохих. Я всегда была нетерпелива, не хотела ждать, когда появится какая-то стоящая, достойная работа, принимала практически все предложения — очень уж хотелось работать. Но всё отчётливее понимала, что повторяю одно и то же, что передо мною тупик. Воинов первый увидел во мне характерную актрису, способную на эксцентрику, гротеск, комические краски. Заметил — и помог воплотить на экране. Не будь его, я бы, наверное, до сих пор изображала лирических героинь, только постаревших, полинявших и ещё более пресных.

У Воинова Смирнова сыграла свои лучшие зрелые роли — Жучку в “Сёстрах”, сваху в “Женитьбе Бальзамина”, Москалёву в “Дядюшкином сне”. Став звездой в ранней юности, она через десятилетия сумела обрести новое “звёздное” качество, снова завоевать зрителя.

На съёмках Воинов был очень строг, даже суров, не допускал ни малейших послаблений. Не давал ей главные роли, считая, что она особенно сильна в эпизодах, редко радовал скупой похвалой. Всё больше кричал, изводил всевозможными придирками, требуя пересясть, переделать, повторить. Она терпела, понимая, что работа для него превыше всего. Он всегда оставался мастером, учителем, самым высшим авторитетом — не даром они всю

жизнь говорили друг другу “Вы”.

Тридцать семь лет продолжалась их совместная работа. И их любовь. Воинов требовал, чтобы Лидия Николаевна вышла за него замуж. Сам он ушёл из семьи с двумя чемоданами, снял комнату, ждал. Но Лидия Николаевна не могла бросить смертельно больного человека.

— Любовь — это когда всё открыто, когда не прячешь своих чувств, а гордишься ими, — говорит актриса. — А я прожила половину жизни в подполье, безумно много говорила неправды, путалась в паутине лжи, сама себе была противна. Не знаю, как выжила. Мне хотелось быть вместе с любимым человеком, заботиться о нём, гладить ему брюки, готовить обед. Вместе стариться. Ведь с годами главными становятся доверие, дружеская близость и тепло. Но ничего у меня не получилось.

Они так и не соединили свои жизни. Даже после смерти Рапопорта, когда не нужно было никого обманывать. Было уже слишком поздно... Воинов умер пять лет назад, и тогда она написала книгу, где нет ни слова лукавства. Где она не пощадила себя, находя в этом, видимо, некое искупление, очищение от былых ошибок.

— Наверное, каждый человек к концу жизни хочет и даже обязан подвести какие-то итоги. И хоть никогда не знаешь, когда он наступит этот конец, всё-таки, прожив восемьдесят с лишком лет, пора остановиться, оглянуться на прошлое. Мне кажется, что я при всей моей жадности к жизни так много не успела прочитать, увидеть, сыграть. И долбить. Ведь важнее любви ничего нет в жизни. Я сирота и материнской любви не знала. И сама не стала матерью, — а это величайшее несчастье для женщины... Я знаю, что очень любила бы своего ребёнка и хорошо его воспитала. Может, тогда я бы не страдала так от одиночества. Хотя многие мои подруги говорят: скажи спасибо, что у тебя нет детей. Сколько они приносят горя, сколько забирают сил, энергии! Родишь — страдаешь и потом страдаешь... Но, думаю, это слабое утешение.

И всё же я люблю своё прошлое, хотя круг друзей сужается и всё меньше телефонных номеров в моей записной книжке. Люблю до страсти, до самозабвения, свою актёрскую работу. Люблю жизнь и хочу жить.

Знаю, что сейчас живу через силу, не по своим возможностям. Но иначе не интересно, и сдаваться я не собираюсь. Только жаль, что уходит время. Хочется ещё успеть сыграть хорошую роль — накоплено столько жизненного опыта, столько актерского мастерства, — теперь бы и отдать это людям. Но в нашем кино совсем нет возрастных ролей, наверное, считают, что старухи никому не интересны. А зря! Режиссёр Алла Сурикова пригласила меня сниматься в многосерийном телевизионном фильме. Жду — не дождусь, когда начнутся съёмки.

Мне бы поменьше морщин и побольше здоровья. И очень хочется знать, что будет дальше...